

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ**

Д. В. Углов

Липецкий государственный технический университет

Поступила в редакцию 12 марта 2009 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию концепций социальной справедливости, созданных в конце XIX — первой половине XX в. известными российскими философами Б. Н. Чичериным, П. И. Новгородцевым и И. А. Ильиным. Социально-политические взгляды этих мыслителей составляют неотъемлемую часть мировой социальной философии и теории политического либерализма; многие идеи, высказанные Чичериным, Новгородцевым и Ильиным, остаются актуальными в российской социально-политической реальности по сей день.

Ключевые слова: справедливость, правовое государство, либерализм, анархия, политическая философия, социализм, «социалисты кафедры», собственность, иерархизм, политическая культура, равенство, ранг, свобода.

Abstract: the article is devoted to social justice concept investigations, that were carried out by the famous Russian philosophers Chicherin B. N., Novgorodtsev P. I., Ilyin I. A. in the end of the XIXth century and the first half of the XXth century. Social and political views of these scholars make up the integral part of the world social philosophy and the theory of political liberalism. Most of the ideas, suggested by Chicherin, Novgorodtsev, Ilyin, are still urgent today. The article may be valuable and interesting for social philosophy lecturers, experts in history of law, politics, for post-graduate students and students involved in social philosophy problematics.

Key words: justice, government, liberalism, anarchy, political philosophy, socialism, ideal, property, hierarchy, political culture, equal, rank, freedom.

Конец XIX — первая половина XX в. в истории российской либеральной мысли ознаменованы насыщенной деятельностью ряда блестящих философов. Данное исследование посвящено творчеству трех мыслителей, чьи сочинения, на наш взгляд, можно с полным основанием назвать социальной философией, или, как принято в западной философской традиции, — политической философией.

Так, социально-философские системы Б. Н. Чичерина (1828—1903), П. И. Новгородцева (1866—1924) и И. А. Ильина (1883—1954) рассматриваются в аспекте интерпретации категории справедливости. Эти мыслители по своим философским убеждениям и методологическим предпочтениям принадлежат к лагерю «западников»: характерно, что все трое — гегельянцы. Значительное место в их творчестве отведено философии права, проработке моральных и юридических основ общественного бытия.

Социально-политические взгляды Чичерина, Новгородцева и Ильина, на наш взгляд, соответствуют аксиологической парадигме деонтологического либерализма, являются неотъемлемой частью традиции мировой либеральной мысли.

И хронологически, и с точки зрения философской преемственности начать следует с анализа творчества Б. Н. Чичерина. Круг философских проблем, исследованных этим мыслителем, необычайно широк. Только перечисление названий основных его работ показывает, что их автор был одним из последних энциклопедистов в истории мировой философии: «История политических учений» (1877); «Наука и религия» (1879); «Мистицизм в науке» (1880); «Собственность и государство» (1883); «Положительная философия и единство науки» (1892); «Основания логики и метафизики» (1894); «Очерки философии права» (1901); «Вопросы философии и психологии» (1904) и др. В «Истории русской философии» Н. О. Лосский отмечал: «Этот мыслитель развил целую философскую систему» [1, с. 176].

Общественно-политическое кредо Б. Н. Чичерина, определявшее содержание его работ по социальной философии и философии права, исследователи характеризуют как просвещенный или либеральный консерватизм [2, с. 161]. Такая система взглядов влияла на истолкование им принципов социальной справедливости. Именно поэтому одной из важных тем творчества Б. Н. Чичерина в области социальной философии являлся генезис иерархической структуры общества под влиянием реализации принципов политической свободы и равенства прав.

Чичерин постоянно полемизировал с мыслителями социалистических убеждений («социалистами кафедры» — как он их называл), аргументированно защищал принцип свободы и личной заинтересованности, обосновывал естественный закон онтологически закрепленного неравенства в сфере производства, промышленной деятельности человека.

Согласно социально-философской концепции Чичерина, принцип справедливости должен быть реализован прежде всего в сфере экономических отношений. «Можно ли сказать, — спрашивает мыслитель у своих оппонентов-социалистов, — не нарушая самых первых оснований справедливости, что тот, кто ленился, должен пользоваться одинаковыми благами с тем, кто работал; кто расточал свое достояние — с тем, кто его сберегал; кто не умел ничего приобрести — с тем, кто умел приобретать?» [3, с. 250].

Развитие человеческого общества, как утверждал Чичерин, должно вести не к внедрению насильственного и поэтому неэффективного, недолговечного равенства, а к устранению негативных последствий естественного неравенства, к созданию такой общественной структуры, где неравенство людей само наиболее эффективно и плодотворно способствует развитию каждой личности и общества в целом.

По глубокому убеждению Б. Н. Чичерина, необходимым условием справедливости в обществе является незыблемость права собственности. Он вел философский диспут с мыслителями, теоретически обо-

сновавшими модель общественного развития, согласно которой благом для человечества признавалась полная социализация хозяйственной деятельности и упразднение частной собственности.

Особенно интересна, на наш взгляд, полемика Чичерина с одним из «столпов» философии анархизма Пьером Жозефом Прудомом (1809—1865), утверждавшим, что исторически сложившееся происхождение частной собственности из права овладения должно быть отвергнуто как несправедливое во имя принадлежащего всем людям права получить «одинаковое с другими количество материи для удовлетворения своих потребностей» [3, с. 136].

Принимая во внимание данную точку зрения, Чичерин задается вопросом: «Кому по справедливости должно принадлежать первоначальное пользование тою или другою силою природы?» Сам на него отвечает: «Очевидно, тому, кто первый покорил ее, — человеку. Для всех остальных это пользование может быть только производное; оно может приобретаться не иначе, как через посредство воли первого владельца. Нарушение этого порядка есть не право, а насилие. С какого бы, следовательно, конца мы ни начали, везде требования справедливости оказываются одни и те же» [3, с. 138].

Обращаясь к феномену равенства как одному из общепризнанных элементов социальной справедливости, подчеркнем, что для Чичерина справедливость — это, прежде всего, равенство в правах, равенство всех граждан перед законом, но никак не имущественная уравниловка. С его точки зрения, проблема имущественного неравенства всегда остается достаточно острой только по отношению к самым слабым членам общества — к тем, кто в силу обстоятельств или особенностей своей натуры не способен самостоятельно достичь даже относительно среднего материального обеспечения.

Помощь таким людям составляет исключительно нравственный долг состоятельных членов общества. Они в этой деятельности должны опираться на нравственное чувство и добровольное соучастие, но ни в коем случае не действовать только под давлением государственной власти. «Право одно для всех; человеколюбие же имеет в виду только известную часть общества, нуждающуюся в помощи. Если бы государство вздумало во имя этого начала изменять самое право, то есть вместо установления одинаковой свободы для всех, обирать богатых в пользу бедных, как требуют социалисты, то это было бы не только нарушением справедливости, но, вместе с тем, извращением коренных законов человеческого общежития» [3, с. 262].

Тот же принцип, по мнению Чичерина, должен работать и в отношении различных наследственных прав и привилегий. Не справедливость, а единственно зависть, утверждает философ, может возмущаться против такого рода преимуществ. «Справедливость же требует, чтобы каждому воздавалось свое ... Она (справедливость. — Д. У.) возмущалась бы, если бы мы стали калечить здорового, потому что существуют увечные, безобразить красивого, потому что есть уроды, ли-

шать образования умного, потому что глупые не в состоянии учиться, отнимать наследство у богатого, потому что другому отец ничего не оставил. ...Будет ли все это согласно с требованиями справедливости?» [3, с. 258].

По мысли Чичерина, человеческие законы, закрепленные нормами политического права и житейского здравого смысла, нисколько не требуют к себе меньшего уважения, нежели законы естественные. Посягательство на те и другие, считает философ, одинаково составляет нарушение справедливости.

Таким образом, можно констатировать, что в социальной философии Б. Н. Чичерина категория справедливости не совпадает с принципами эгалитаризма, а, напротив, закрепляет принцип иерархизма (прежде всего, имущественного) в общественной жизни. В связи с этим не лишним будет напомнить, что позже другой крупный российский мыслитель С. Л. Франк также отнесет начало иерархизма к основным необходимым условиям нормальной жизни общества.

Несмотря на то, что Б. Н. Чичерин относил справедливость к духовным началам человеческого общежития, область ее применения, по мнению мыслителя, находится преимущественно в хозяйственно-экономической сфере деятельности человека. Можно сказать, что трактовка справедливости как иерархического начала в экономике существенно отличается от тех религиозных или народническо-социалистических концепций, которые доминировали в российской философии второй половины XIX — начала XX в., она во многом предвосхищает некоторые тенденции западной философии неоллиберализма, которые будут теоретически оформлены спустя десятилетия.

Под непосредственным влиянием творчества Б. Н. Чичерина складывались взгляды П. И. Новгородцева, который является одним из самых ярких и глубоких мыслителей российской социальной философии XX в.

Основное направление философской парадигмы П. И. Новгородцева определилось в работах, опубликованных в первые годы XX в. Сам мыслитель определял его как движение философии права от «традиций исключительного историзма и социологизма» к «системе нравственного идеализма». Позже И. А. Ильин отметит: «Платон, Руссо, Кант и Гегель — таковы были идейные центры его “школы”» [4, с. 251].

Вполне естественно, что такой подход нашел свое отражение в понимании и интерпретации Новгородцевым сущности государства в контексте «его идеальной общенародной и сверхклассовой цели» [5, с. 366]. Сложившись во многом под влиянием философии права Гегеля, модель правового государства как «воплощение начал справедливости» оставалась предметом размышления философа на протяжении всей его жизни.

В политической философии конца XIX в. господствующее положение занимали позитивистские и социологические концепции. Согласно распространенным в то время концепциям, государство и право понимались исключительно как эмпирические и исторические феномены, в

основе которых лежат, с одной стороны, противоречия, с другой — совпадение интересов и материальных потребностей различных социальных групп, классов и отдельных личностей. В противоположность данным взглядам Новгородцев решительно возвращается к идеалистической традиции западной философии, в которой сущность государства понималась, если использовать гегелевский категориальный аппарат, как «зрелая и высшая форма нравственной субстанции», как «действительность нравственной идеи» [6, с. 221].

Такая трактовка неизбежно актуализировала концепцию естественного права. «С давних пор, — подчеркивал П. И. Новгородцев, — теория правового государства вдохновляется идеей естественного права как представлением об общечеловеческой справедливости, осуществляемой в положительном праве. Идеальное преобразование общественных форм должно, согласно этой теории, дать высшее торжество идее права, идее планомерного и справедливого регулирования жизни. Совершенное правовое государство в идее должно обнять всех граждан нормами идеального естественного права, и постепенное приближение к этому идеалу возможно именно потому, что есть такие нормы всепокоряющей справедливости, которые объединяют всех, которые уже теперь возвышаются над разнообразием положений и лиц и, пусть даже весьма несовершенно и частично, но все же руководят и прогрессом государственного строительства, и развитием права, и отправлением правосудия» [5, с. 284].

Полемизируя с идеологами марксизма на страницах своего труда «Об общественном идеале», Новгородцев доказывает, что идея государства не исчерпывается формулой классового господства и не является исключительно отражением и порождением существующих неразрешимых противоречий, областью скрытой или открытой социальной вражды. Из этого следует, что борьба с существующей формой государства, которую ведут социал-демократы и коммунисты, по мнению философа, не должна переходить в борьбу с самой идеей государства, «что государство, и именно прогрессирующее правовое государство, вдохновляемое идеей социальной справедливости, есть та форма общественного бытия, которая связывает настоящее с будущим» [5, с. 283]. Именно это следует признать как основную предпосылку теории правового государства. Суть этой теории заключается в том, что и в жизни современного общества со всеми его классовыми и индивидуальными различиями есть возможность для реализации чистой идеи права, есть почва для применения некоторых общих и объединяющих всех правовых начал, имеющих сверхклассовый и, следовательно, общечеловеческий и общегражданский характер. Для всеобщего уравнивания и освобождения, по мнению Новгородцева, всегда будет оставаться место; всегда будут оставаться поводы для расширения и дальнейшего утверждения справедливости и права.

Теория правового государства принципиально исключает утопию безгосударственного состояния. Рассматриваемая теория учит, что пра-

вильно организованное государство может стать воплощением начал справедливости, что в идеальном государственном порядке справедливость находит для себя твердую опору.

Учеником П. И. Новгородцева не только по юридическому факультету Московского государственного университета, но и в сфере российской либеральной философии права был И. А. Ильин. В его философском наследии тема поиска и утверждения онтологического и социального бытия справедливости отведено особое место. Связано это с тем, что учение о правосознании, неотъемлемой частью которого является категория справедливости, является одним из основных и детально проработанных в философской системе мыслителя.

Ильин фактически утверждает, что право — это феномен, связанный с некоей сверхэмпирической, идеальной сферой бытия, лишь опосредованно проявляющийся в реальности материального мира, «потому что право по самому глубокому существу своему есть атрибут не инстинкта, а духа; иными словами, оно есть форма жизни не одушевленного животного, а одухотворенного и потому нуждающегося в свободе и самостоятельности существа» [7, с. 355].

Таким образом, объективное значение права «получает два корня: ценностно-предметный — через связь свою с жизнью духа и субъективно-жизненный — через связь свою с личным, самообязывающим признанием» [8, с. 199]. Следовательно, справедливость как квинтэссенция права, в понимании Ильина, «есть живое и чуткое правосознание, которое готово поступиться своим и отстаивать чужое. Справедливость есть чувство меры в размежевании людских притязаний и интересов. Справедливость есть искусство искать и находить “для каждого свое” (формула римского права)» [9, с. 238].

Одной из наиболее серьезных проблем, встающих перед мыслителем, анализирующим онтологическую и социальную природу справедливости, является проблема соотношения справедливости и объективности. Справедливости с точки зрения каждого отдельного человека (или группы людей) и справедливости как некой объективной истины, стоящей *над* частными мнениями и интересами. Субъектом и объектом справедливости выступает человек, однако «люди часто расходятся друг с другом в толковании и понимании “справедливости”. Это объясняется не только тем, что все мы вообще судим о вещах и делах “субъективно” и потому не соглашаемся друг с другом, но еще гораздо более и тем, что мы обычно взываем к “справедливости”, отстаивая свой *собственный интерес*, и тотчас же забываем о ней, когда обсуждается *чужой*. Нам все кажется, что справедливость всегда “за нас” и что всякое удовлетворение наших желаний и интересов — “справедливо”. И при этом мы не замечаем, что нами владеет в действительности не искание справедливости, а *личная корысть*; что наша ссылка на справедливость на самом деле ничего не стоит; что мы то и дело выступаем в жизни *контрабандистами несправедливости*» [9, с. 238—239].

Разрешение данного противоречия Ильин видит в предметном отделе-нии от категории справедливости каких-либо субъективных наслоений и интерпретаций: «Каждый из нас должен научиться *отличать вопрос о справедливости от вопроса о личном интересе и не прикрывать свою корысть декламацией о справедливости*» [9, с. 239].

Вторым необходимым условием для сохранения объективности в вопросе о справедливости является наличие некоего императива, стоящего над субъектно-объектными отношениями индивидов и социальных групп. Согласно учению И. А. Ильина, это приоритет национально-государственной пользы: «...Мы должны научиться не настаивать на наших самых справедливых притязаниях, если этого требует единый и общий интерес родины» [9, с. 239].

Исходя из положений ильинской концепции, истинная, объективная справедливость возможна лишь в том случае, если ее источник трансцендентен эмпирической реальности, т.е. в конечном счете укоренен в Боге. Отталкиваясь от данной парадигмы, Ильин делает вывод, что «воспитывать людей к справедливости нельзя без веры и религии, ибо вера в Бога есть главный и глубочайший источник *чувства ранга и воли к качеству*» [9, с. 238].

Каково же понимание мыслителем понятий «ранга» и «качества»? Большинство работ Ильина по политической философии наполнены полемическим пафосом интеллектуального поединка с его идейными противниками — марксистами-большевиками. Проблема истолкования сущности справедливости также не могла остаться в стороне от этой борьбы. В марксистской философии категория справедливости неизменно трактовалась на фоне лозунгов Великой французской революции: «Свобода! Равенство! Братство!», акцент при этом делался на социальном равенстве (на практике переходящем в уравниловку). Ильин, в отличие от оппонентов, настаивает на том, что равенство и справедливость — не одно и то же.

В основу концепции справедливости мыслитель помещает утверждение о природном, естественном неравенстве людей. Люди от природы не равны — это объективный факт, спорить с которым невозможно, считает Ильин. Мы все отличаемся друг от друга — полом и возрастом, физическими данными и интеллектуальным уровнем, личными духовными качествами и наследственной предрасположенностью. Поэтому любая попытка всеобщего уравнивания, по мнению мыслителя, не только неосуществима, но и прямо вредна и опасна. Ведь «уравнивать всех “наверх” (т.е. сделать всех одинаково образованными, хорошо одетыми, богатыми и здоровыми) — невозможно. Всякое преднамеренно быстрое уравнивание может двигаться только “вниз”, понижая общий уровень (т.е. делая всех одинаково необразованными, плохо одетыми, бедными или больными)» [9, с. 233].

Следовательно, любой революционный, насильственный метод введения «всеобщего равенства» приводит лишь к «справедливости наоборот»: «Революционное равнение “вниз” ведет к тому, что худшие люди

(карьеристы, симулянты, подхалимы» и т.д.) выдвигаются вперед и вверх, а лучшие люди задыхаются и терпят всяческое гонение. <...> В результате этого худшие сплываются в новый привилегированный слой (партия) и создают новое, обратное неравенство, — беспомощность обнищавшего народа перед всемогущим партийным чиновником, политическим доносчиком и палачом» [9, с. 233—234].

В отличие от других философов (например, Н. А. Бердяева, который считал, что справедливость статична, а не динамична, т.е. представляет собой некую законченную целостную моральную парадигму [10, с. 168]) Ильин утверждает, что справедливость — это, скорее, процесс, некое творческое действие, постоянно трансформирующееся в новых условиях. «Нам необходимо понять, что справедливость не дается в готовом виде и не водворяется по рецепту, а творчески отыскивается, всенародно выстрадывается и взращивается в жизни. Нет готового справедливого строя, который оставалось бы только ввести (“анархия”, “социализм”, “коммунизм”) т.д.). Безнадежны и нелепы все подобные надежды и обещания. Справедливое в одной стране может оказаться несправедливым в другой. Справедливое в одну эпоху может впоследствии превратиться в вопиющую несправедливость» [9, с. 236—237].

Подводя итог, констатируем: справедливость, по Ильину, — это «великое и вечное всенародное задание», в котором сама устремленность людей к справедливости, поиск ее уже имеют самостоятельную моральную ценность и значение. Данная трактовка справедливости, разработанная И. А. Ильиным, на наш взгляд, является современной и актуальной в условиях сегодняшних реалий общественной жизни.

Таким образом, при всей разнице в подходах и точках зрения Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева и И. А. Ильина в отношении сущности справедливости, форм ее реализации в общественной жизни этих мыслителей объединяет твердая уверенность в том, что справедливость в обществе не мыслима без сохранения политической свободы и равенства граждан перед законом. Даже в несколько этатической модели П. И. Новгородцева, в которой, по мысли автора, осуществление принципов справедливости должно взять на себя государство, подчеркивается: это должно быть государство правовое, где все демократические свободы и права граждан остаются незыблемыми.

Жизненная и философская драма Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева и И. А. Ильина заключается в том, что эти талантливые мыслители и истинные патриоты не увидели осуществления в российской политической жизни тех начал демократии и либерализма, о которых так мечтали. Однако актуальность многих социально-философских выводов Чичерина, Новгородцева и Ильина позволяет с полной уверенностью говорить, что их идеи будут способствовать развитию не только социальной философии, но и общей политической культуры российского общества в настоящем и будущем.

Литература

1. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. — М. : Высш. шк., 1991.
2. Малявин С. Н. История русской социально-философской мысли : пособие для вузов / С. Н. Малявин. — М. : Дрофа, 2003.
3. Чичерин Б. Н. Собственность и государство / Б. Н. Чичерин ; вступ. ст. и коммент. И. И. Евлампиева. — СПб. : Изд-во РХГА, 2005.
4. Ильин И. А. Памяти П. И. Новгородцева / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — М. : Русская книга, 1999. — Т. 9—10.
5. Новгородцев П. И. Об общественном идеале / П. И. Новгородцев ; сост., коммент., вступ. ст. А. В. Соболева. — М. : Пресса, 1991.
6. Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Учение о человеке / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. — Т. 2.
7. Ильин И. А. Кризис безбожия / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. — Т. 1.
8. Ильин И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. — Т. 4.
9. Ильин И. А. Наши задачи. О воспитании русского народа к справедливости / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. — Т. 2, кн. 1.
10. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. — М. : Мысль, 1990.

Липецкий государственный технический университет

Углов Д. В., аспирант кафедры философии

E-mail: ena-lko5@yandex.ru

Тел.: (4742) 78-13-36

Lipetsk State Technical University

Uglov D. V., Post-graduate Student,

Subfaculty Philosophy

E-mail: ena-lko5@yandex.ru

Tel.: (4742) 32-80-66